

Верить, не верить.

Верьте, не верьте, напишу я вам одну историю, вернее – случай, эпизод из моего детства, которому нет объяснения и разгадки.

Как всем детям колхозников и работников артели, мне тоже удосужилось (надо было бы сказать – посчастливилось) ходить в деревенский наш детсад. Детсад этот располагался на территории нынешнего административного здания села – правления колхоза «Кама», исполкома сельского поселения и отделения почтовой связи. Как сейчас помню, детсад был огорожен забором из деревянных реек, с восточной и южной сторон возле забора росли кусты сирени, а с западной стороны за зданием садика росли высокие тополя. Заведующей садиком была Гайша апа Хуснуллина, воспитателями тогда работали Миниямал апа (мать Гизатуллина Ильгиза), Газиза апа Калимуллина, Гульфания апа Тухватуллина (Гафарова), а поваром была Шамсекамал апа Гумарова – мать (мачеха) Тазиева Рифката. Не забуду приготовленные Шамсекамал апой вкусные манные котлеты и оладьи! Нравилось мне рисовать цветными карандашами на занятиях рисования! Зимой, помню, вытаскивали из кладовки, расположенной в нижней части здания садика, санки и катались, а летом брали из кладовки игрушки и играли в песочнице. Вот и всё. Но всё равно не хотелось мне ходить в этот детсад, дома было лучше. Помню, чтобы не ходить в садик, я захотела заболеть; вспомнила, что моя подруга Нафиса заболела, да у них вся семья болела чем-то, после садика я зашла к ним в дом, смотрю – все лежат на топчане (тогдашнее спальное место, сколоченное из досок от одной стены до другой), видимо сильно болели, так как никто из них не заметил, как я зашла и как я прилегла к Нафисе; а она вся горела, наверно у неё была высокая температура. Прижалась я лицом к лицу Нафисы, чтобы заразиться её болезнью, полежала немного, решила, что уже заразилась, и пошла домой; ждала несколько дней, но увы, не заболела. А дома хорошо, мои родители, мои братья, а главное – моя прабабушка. Она была слепая и всё время сидела на кровати, и я рядом с ней. Она рассказывала о своих детских годах и в то же время она вела со мной воспитательные работы, то есть, объясняла, что можно, что нельзя. Очень запомнилось мне её слова о том, что кладбище – это место святое, там нельзя гулять, просто так ходить, заходить туда женщинам и детям, кушать ягоды и рвать цветы, кричать, громко смеяться и разговаривать, плакать громко и вообще плакать и все нехорошие дела...

Вот в один прекрасный летний день решили наши воспитательницы сводить нас на экскурсию. Построили нас подвое, и мы направились в

сторону кладбища. Тогда за нынешней улицей Молодежная было пустое поле, не было улицы Новая, детсада и объездной дороги в Агрыз. Дошли мы до кладбища, повернули вправо и направились на северо-восточный угол кладбища. Дошли до места, где были ворота, вернее – широкая деревянная калитка. Воспитательницы открыли эту калитку, а там – покрытая зелёной травой площадка, вокруг площадки скамейки, недалеко рядом с площадкой находился домик кладбища. Воспитательницы разрешили детям пройти на площадку, предупредив, что нельзя расходиться за пределы площадки. Но я не решилась пройти внутрь забора и осталась возле калитки снаружи. Воспитательницы спросили меня, почему я не пошла внутрь, я ответила, что не хочу. Я стояла и продолжала смотреть, как дети визжат, смеются, бегают, играют, а воспитательницы стояли снаружи и разговаривали между собой.

И вдруг, неожиданно, перед моим взором посредине площадки стала подниматься земля – участок размером один квадратный метр; я смотрю и понять не могу, а грунт поднимается как надувается шар. Я не могла больше молчать и резко крикнула, показав рукой на это место, что земля поднимается! Воспитательницы быстро отреагировали на моё поведение, сразу же отозвали детей на выход; после выхода всех детей закрыли калитку. И мы, все дети и воспитательницы, бежали вдоль забора кладбища. Добежали до юго-восточного угла кладбища, остановились, нас опять построили подвое и мы вернулись в детсад. Вечером по приходу домой я рассказала своим родителям и прабабушке. Я не знаю, поверили они мне или нет, просто потом прабабушка сказала, что через меня «свыше» дал понять, что там нельзя было находиться нам.

По сей день меня мучает вопрос – что это было? Или это видение, как итог – отголоски моего воспитания – «нельзя», или это на самом деле что-то «нечто» неразгаданное и необъяснимое? Когда ещё живы были Гайша апа, Миниямал апа и Газиза апа, которые тогда были с нами на экскурсии, мне так и не удалось у них спросить, задать вопрос – тогда мне только виделось это явление или они тоже видели?

Когда я встретила недавно воспитательницу детсада Гульфанию апу Тухватуллину (Гафарову), рассказала про тот случай. Естественно, она этот случай не помнит, так как уже прошло почти шестьдесят лет, но она сказала, что в те времена и ещё раньше почти каждый десятый житель деревни мог рассказать о каком-то случае, которому нет объяснения и разгадки, и рассказала про свой случай. Тогда в деревне у жителей было много гусей, по утрам выгоняли их в поле и на ручей, а вечером их забирали – приводили

домой. В один такой день, это было в конце лета, когда поспевала рожь в поле, вечером Гульфания апа (тогда она ещё была юной девчонкой) пошла за гусями, дошла до «девичьего оврага» (кызлар чоқыры), и увидела – посредине ржи в поле стоит старик с белой бородой, на голове белая чалма, одет в полосатый чапан. Гульфания апа очень сильно испугалась, бросила всё – что было в руке и гусей тоже, побежала домой, прибежала и рассказала родителям. Она говорит мне, что до сих пор не может забыть этот случай.

Как-то при встрече с моей подругой Масхудой я рассказала ей про свой случай на экскурсии на кладбище. Она тоже вспомнила свой случай в садике. Так же как наша группа в садике, их группа с воспитательницей Гульфания апой пошли на экскурсию туда же, куда ходили мы; зашли на ту же поляну – площадку, было очень много земляники. Пока собирали и кушали землянику, не заметили, как близко подошли к ближайшей к площадке могиле. И вдруг, к их удивлению, перед ними эта могила стала опускаться вниз, то есть стала образоваться яма. Все, кто это увидели, испугались, закричали и убежали в сторону выхода из кладбища. Поняв, что что-то страшное произошло, Гульфания апа быстро отозвала всех остальных детей, закрыли калитку и ушли. Больше, говорит Масхуда, нас туда не водили.

Мой отец тоже рассказывал подобные случаи, которые произошли с ним. Он говорил, что видел шаровую молнию. Ну, это – природное явление знакомо многим, и это факт. А вот, то - что он рассказал, когда поздним вечером возвращался домой по улице, он неожиданно оказался под куполом яркого света на короткое время, этому нет объяснения. Сам он выразился так – күк капуста ачылды.

Моей подруге Розалии (Шакировой) в юности часто приходилось ночевать у своей (одинокой) бабушки, у которой дом был недалеко от кладбища (огород бабушки, поле, а затем кладбище). Она тогда рассказала нам страшный случай, который произошёл с ней. Поздно вечером Розалия пошла в туалет, который находился за сараем в огороде. И вдруг она увидела приближающийся со стороны кладбища в её сторону огненный шар; от страха у неё отнялись ноги, она не смогла бежать к дому, ели-ели зашла в дом, потеряла на миг дар речи; только через некоторое время она смогла рассказать своей бабушке увиденное.

Сейчас, когда у меня много свободного времени, я смотрю по телевизору в программе «Рен ТВ» передачу «Шокирующие гипотезы». Там много рассказывают и даже показывают такие случаи, которым пока нет объяснения и остаются они неразгаданными. Так что, может и мой случай, а

также описанные мною ранее случаи не случайные, может они на самом деле были, а может это – просто отголоски нашего воспитания? Ведь нас, детей моего поколения, поколения старше моего, воспитывали словесно - то нельзя, это нельзя, иначе то будет, или это будет, и может быть всё это осталось в наших мозгах? Но я не сужу наших предков, ведь какая-то доля правдивости и пользы есть в этих рассуждениях. Говорили, что на кладбище нельзя заходить женщинам. Когда умер мой брат Наиль, мать моя очень горевала, это понятно, так как брату было всего 23 года, а матери – 47, но она мать, а умер его ребёнок. Тогда моя мать обратилась к моей прабабушке с желанием увидеть могилу сына; прабабушка сказала ей: «Если вышла из детородного возраста (то есть после климакса), следуя всем канонам мусульманства (то есть очищение, соответствующая одежда) можешь сходить». И так я со своей матерью (мне было тогда 8 лет) сходили на кладбище. Иногда, проезжая мимо кладбища, я замечаю там женщин и девушек, которые ходят (находятся) внутри. Это явление меня коробит, потому что я так воспитана. Я понимаю, что современная жизнь вводит свои коррективы в нашу жизнь, в наш быт, в наше поведение, и даже в наши обычаи. Но наша религия и вера должны остаться неизменной!

Гузель Габдуллина (Гильфанова), 2017 год.

Это фото 1970 года. А когда мы ходили в этот детсад (1957-61 гг), здание детсада было в нормальном (хорошем) состоянии.

